

будь измѣнить ему кажется невѣроятной и удивительно-нелогичной Каренину.

Поглощенный своими служебными интересами, которые въ сущности являются только отражениемъ жизни, онъ теряется передъ всѣмъ тѣмъ, что выходитъ изъ круга его понятій. Онъ не понимаетъ, что жизнь не распредѣляется логическими измышеніями, что у нея есть свое, самостоятельное теченіе, и каждый разъ, какъ жизнь заявляетъ свои права, Каренинъ отстраняется отъ нея.

Жена, ея душа, умъ—на все это заявляетъ собственность Каренинъ; личной жизни у нея онъ не подозрѣваетъ и не допускаетъ.

„Переноситься мыслью и чувствомъ въ другое существо было душевное дѣйствіе, чуждое Каренину. Онъ считаетъ это душевное дѣйствіе вреднымъ и опаснымъ фантазерствомъ“.

„Вопросы о ея чувствахъ, о томъ, что дѣлалось и можетъ дѣлаться въ ея душѣ, это не мое дѣло, это дѣло ея совѣсти и подлежитъ религіи“,—говорить Каренинъ.—„Моя же обязанность ясно опредѣляется. Какъ глава семьи, я—лицо, обязанное руководить ею, и потому отчасти лицо отвѣтственное; я долженъ указать опасность, которую я вижу, предостеречь и даже употребить власть, если въ этомъ представится подобность“.

И когда подобная надобность явилась, и жена начинаетъ увлекаться Вронскимъ, Каренинъ приступаетъ со своими предостереженіями и наталкивается на открытие, что „глубина ея души, всегда